

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 32

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

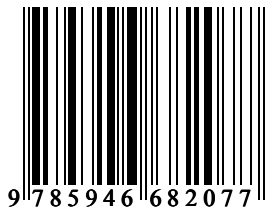
Санкт-Петербург
«Росток»
2016

УДК 821.161.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В81

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Н. Г. Охотин

Рецензенты:
Е. Н. Григорьева, В. А. Мильчина

ISBN 978-5-94668-207-7

© Авторы статей, 2016
© Пушкинская комиссия РАН, 2016

Важно видеть, как механизмы коллективной памяти трансформируют происшедший в реальности случай: раздутая в предании гершензоновская ошибка была ведь, по сути, совсем не так значительна (понятно, что Пушкин, выписывая злополучный отрывок, в той или иной степени солидаризовался с высказанными в нем мыслями). Более того, точность, с которой Гершензоном была опознана центральная стихотворная цитата из Жуковского, ощутило демпфировала ощущение эпичности провала. Но с течением времени история эта, обрастая подробностями и принимая все более выпуклые черты, сделалась удобным логическим плацдармом для внутрифилологической полемики и яркой деталью мемуаров — именно в этом качестве она зафиксирована в источниках.

А. Л. Соболев

«НЕСЧАСТНЫЕ НАРВСКИЕ БЕГЛЕЦЫ...»

Потомки Льва Сергеевича Пушкина в Эстонии

В конце 1919 г. в Эстонии оказалось примерно 60 тысяч российских беженцев, многие из них — жители Петрограда и Петроградской губернии. Среди них не слишком много громких имен — с армией Юденича в пределы Эстонии ушли в основном представители сельской интеллигенции (священнослужители, учителя, врачи, инженеры) и крестьяне западных уездов Петроградской губернии — от Красного Села до Гдова; дворян, носителей известных фамилий, было значительно меньше. В их числе были и Пушкины.

«Эстонские» Пушкины принадлежали к потомкам Льва Сергеевича, брата поэта. В 1872 г. в Большом Болдине родился его внук Александр Анатольевич Пушкин. В роспись рода Пушкиных, составленную Муравьевым и Модзалевским, он занесен под номером 382. «Из I класса Александровского Лицея поступил в 1893 в Николаевское кавалерийское училище; в 1894 г. вольноопределяющийся 35-го драгунского Белгородского п<олка>; в 1897 г. из Елисаветградского кавалерийского училища корнетом в 36 Ахтырский драгунский п<олк>; в 1912 ротмистр. Жена с 1909 NN».¹ На этом сведения прерываются. Эстонские архивы помогают восполнить пробел.

¹ Цит. по: Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины: Родословная роспись // Род и предки Пушкина. М., 1995. С. 432.

Участник Первой мировой войны полковник А. А. Пушкин, неоднократно раненный, награжденный многими орденами, к апрелю 1918 г. занимал должность начальника 14-й кавалерийской дивизии. После расформирования русской армии он пробрался на юг России, вступил в Добровольческую армию генерала Деникина и в марте 1919 г. стал руководителем операции, которую Деникин вел против чеченцев. По иронии судьбы, за 80 лет до того здесь же воевал его дед Лев Пушкин, который, по собственному признанию, «получил только контузию, будучи вечно под пулями».² Полковник А. А. Пушкин погиб. В таллинском городском архиве хранится заменяющий свидетельство о смерти документ (на эстонском языке), составленный в 1935 г. полицейским управлением в Нарве на основании свидетельских показаний двух лиц, заслуживающих доверия. Один из них, Иван Бурхардт-Филиппов, бывший бас Мариинского театра, дал точную дату гибели: 20 марта 1919 г. «на Кавказе в ходе Гражданской войны».³

Супруга А. А. Пушкина Екатерина Ивановна, урожденная Чикина, родилась в 1886 г. в Петербурге. Она принадлежала к купеческому роду Чикиных, которые владели «медноплющильным» заводом на реке Оредеж близ села Рождествено. У четы Пушкиных были две дочери, Алла и Ирина, и сын Александр.

Правнук Льва Пушкина (в семье его звали Шурик) родился в Петербурге в 1912 г. В эстонских архивах сохранился документ, заменяющий свидетельство о рождении Александра Пушкина-младшего:

СПРАВКА

Центральн<ого> гор<одского> района

Стол Записей Актов Гражданского Состояния удостоверяет, в хранящейся при архиве метрической книге церкви офицерской кавалерийской школы (ул. Воинова 49) за 1912 год в статье под № 4 записан акт о рождении 10-е число марта месяца 1912 года (тысяча девятсот двенадцатого года) сына Александра у гражданина Пушкина Александра Анатольевича и жены его гражданки Екатерины Ивановны. Выдано на предмет предоставления как документ.⁴

Осенью 1919 г. Екатерина Пушкина бежала с дочерьми в обозе Северо-Западной армии в Эстонию. Она прибыла в Нарву в нояб-

² Хандрос Б. Н. Письма Л. С. Пушкина к М. В. Юзефовичу (1831–1843) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 344.

³ Таллинский городской архив (ТЛА), ф. 1483, оп. 1, д. 450.

⁴ Там же.

«Нансеновский» паспорт Екатерины Пушкиной.

ре 1919 г. В момент бегства сын Шурик был болен, поэтому его пришлось оставить на попечение родственников в деревне Даймище близ Рождествено. Предполагалось, что отступление не будет длительным и вскоре можно будет вернуться. А пришлось в разлуке жить года — их разделила граница. Однако 2 февраля 1920 г. Эстония и Совет народных комиссаров заключили мирный договор (так называемый Юрьевский, или Тартуский, мир), по которому Эстония стала независимым государством. Северо-Западная армия была расформирована. Гражданские беженцы и бывшие военнослужащие армии Юденича оказались эмигрантами-апатридами, не выезжая с территории бывшей Российской империи, многие — даже оставаясь в пределах бывшей Петроградской губернии. Государственный архив Эстонии хранит так называемый нансеновский паспорт Екатерины Пушкиной, который выдавался эмигрантам без гражданства. Ей разрешалось проживать на территории Эстонии вне городов Таллин и Печоры.⁵ Екатерина Пушкина осталась жить в Нарве — поближе к сыну — и вынуждена была устроиться на ра-

⁵ Эстонский государственный архив (ERA), ф. 14, оп. 15, д. 1308, л. 8.

боту в женский интернат при русской эмигрантской гимназии воспитательницей. Дочери Екатерины Пушкиной Алла и Ирина учились в той же гимназии и жили в интернате вместе с матерью. Эмигрантская гимназия в известном смысле стала спасением для 33-летней вдовы, лишённой дома, родины, источников к существованию. По воспоминаниям одной из воспитанниц, Евгении Тальберг, «многие учителя, одинокие и с семьями, жили при приюте или при интернате, питались в школьной столовой».⁶ В 1920-х гг. можно было достаточно легко организовать переезд сына за границу, но у бедной воспитательницы не было для этого средств.

Здесь, помимо своего желания, «болдинские» Пушкины оказались вписаны в контекст политической борьбы вокруг пушкинского наследия и самого имени поэта, которая развернулась в 1920—1930-х гг. Достаточно вспомнить эволюцию отношения к Пушкину в СССР — от революционного развенчания «поэта оскудевшего барства» до чествования в 1937 г. Катализатором этой «культурной контрреволюции» была судьба семьи Пушкиных, потомков Льва Сергеевича, «несчастливых нарвских беглецов».

Крупной вехой в формировании концепции культурно-политического противостояния исторической России и коминтерновского режима стала 125-я годовщина со дня рождения поэта. Русская эмиграция широко отметила это событие — концертами, публикациями, выступлениями. Так, например, 8 июня 1924 г. в редакции русской газеты «Последние известия» в Таллине прошло мероприятие, посвященное Пушкину, на котором выступил русский общественный деятель доктор Николай Андреевич Колпаков (1864—1930), председатель Общества русских врачей Эстонии. Колпаков рассказал, что в свое время в Гатчине, откуда он приехал, познакомился с Пушкиными — внуком поэта Григорием Александровичем и внуком Льва Сергеевича Александром Анатольевичем. Полковник Александр Анатольевич Пушкин погиб в стычке с большевиками близ Екатеринодара, а его сын Шурик, «этот последний потомок рода Пушкиных, даже не научился путем грамоте ввиду закрытия местной школы. Он служит в деревне подпаском, т. е. помощником деревенского пастуха <...> Вот она, трагическая судьба потомков гения, которому столь невыразимо многим обязана Россия. Александр Пушкин, правнук и тезка великого поэта, — неграмотный деревенский подпасок. Алла и Ирина, правнучки Пушкина, — нуж-

⁶ Тальберг Е. П. Воспоминания о детских и школьных годах в Нарве (1922—1939) // К 40-летию «Тартуских изданий». Тарту, 1999. Т. 3. С. 257.

дающиеся нарвские беженки. Это ли — не символ падения и разорения высших ценностей нашей национальной культуры?»⁷

Эмигрантская общественность немедленно возвела полковника А. А. Пушкина на пьедестал и сделала символом пушкинской России, не подчинившейся большевизму. Пушкинский проект эмиграции обрел дополнительный импульс, получил своих мучеников. Одно дело — призывать бороться за Россию вообще, абстрактную Россию, другое — мобилизоваться во имя спасения конкретного человека, конкретного носителя фамилии Пушкин. Судьба подростка «счастливо» предоставляла возможность победить большевизм в отдельно взятом случае. Газеты эмигрантов наполнились призывами и обличениями. Это была одна из первых антисоветских кампаний по воссоединению родственников. Борьба за освобождение Шурика из «совдепии» приобрела международный размах. Для его вызволения эмигранты собирали деньги по подписке. На эти деньги был оформлен советский загранпаспорт и организована «доставка» Шурика в Эстонию. 20 мая 1926 г. он прибыл в Нарву и воссоединился с матерью и сестрами — после шестилетней разлуки. Его поместили в интернат для мальчиков при эмигрантской гимназии.

Но после воссоединения с сыном Екатерина Пушкина открытым письмом в газету «Старый нарвский листок» попросила эмигрантскую общественность не впутывать ее детей в политические распри.

М<илостивый> г<осударь> г. редактор! Не откажите поместить в Вашей газете о том, что я крайне удивлена и возмущена появившимися как в Вашей, так и других газетах заметками о моем сыне — внучатом племяннике А. С. Пушкина — Александре Александровиче Пушкине. Авторы этих заметок, в действительности совершенно не интересующиеся моим сыном, избрали его средством для каких-то других некрасивых своих целей и, не стесняясь, извращают факты, клеветуют и грубо бранятся. Если бы этим господам действительно было дорого великое имя Александра Сергеевича Пушкина, они никогда не позволили бы себе ничего подобного. Вот уж подлинно: «...избави нас, Господи, от “друзей”, а с врагами мы и сами справимся». Врагов же я не имею и очень прошу непрощеных «доброжелателей» оставить моего малолетнего сына и меня в покое! Прошу не отказать другим газетам перепечата-

⁷ Колпаков Н. А. Последние Пушкины // Последние известия. 1924. 14 июня.

тать это мое письмо. Примите уверение в совершенном уважении,
Екатерина Пушкина.⁸

Екатерина Пушкина имела возможность составить политический капитал, используя в своих целях родство с Пушкиным, стать, как говорят теперь, «медийной личностью», но она предпочла уйти в тень. История «болдинских» Пушкиных стала историей частных лиц. Неудивительно, что многие сейчас считают их просто однофамильцами.

* * *

В детстве Шурик был озорником и непоседой, учился плохо, обижал девочек — как и полагается Пушкиным. Его соученик Г. Богданов вспоминал: «Самым большим заводилой всяких проделок был Шурка Пушкин — самый, наверно, сильный парень во всем интернате и очень веселый и добрый — никогда не использовал свою силу против товарищей. Он был прямым потомком поэта А. С. Пушкина, и его сестра Алла, красивая девушка, имела в чертах лица что-то от африканских предков. Мать их была в интернате экономкой, заведовала и кухней».⁹ Другой его соученик пишет: «...в эмигрантской <гимназии> была женщина, Пушкина <...> у нее был сын Шурка... Шурка был очень любим товарищами, но учился плохо. Он был колоссальной силы, отличался добродушием».¹⁰

К середине 1930-х гг. надежд на возвращение в Россию и тем более на восстановление утраченной собственности не осталось. Дети Пушкиных выросли. Надо было искать работу и как-то обустроиться, что было трудно сделать, не имея эстонского гражданства. Александр Пушкин к тому же являлся гражданином СССР. Натурализацию облегчило знакомство Екатерины Пушкиной с эстонским политическим деятелем Генрихом Ларетеем — бывшим кадровым офицером русской императорской армии, сделавшим в независимой Эстонии карьеру дипломата. В 1926—1928 гг. он был послом Эстонии в Москве, а в середине 1930-х гг. занимал ответственные посты в Министерстве иностранных дел Эстонии. По

⁸ Старый нарвский листок. 1926. № 63.

⁹ Г. Богданов — ученик Эмигрантской гимназии в Нарве в 1930-х гг., выпускник Нарвской русской городской гимназии 1940 г. Рукопись его воспоминаний находится в частном архиве в Таллине.

¹⁰ Воспоминания М. Макарова (в пересказе дочери, электронная копия в архиве автора статьи).

его протекции эстонское гражданство было предоставлено Екатерине Пушкиной, ее дочери Ирине и сыну Александру, в поддержку заявления которого Генрих Ларетей направил в Министерство внутренних дел, ведавшее вопросами вступления в эстонское гражданство, специальную записку: «...состоящий в гражданстве Советской России Александр Пушкин подал прошение о принятии его в гражданство Эстонии. Поддерживая прошение, имею честь обратиться к Вам с просьбой, чтобы упомянутого Александра Пушкина приняли в гражданство во внеочередном порядке за заслуги, которые семья Пушкиных оказала Эстонии в 1917 и 1918 годах. В те годы я работал в Петербурге сначала председателем Центрального комитета воинов-эстов, затем секретарем Эстонского комитета (нашей неофициальной миссии в России). Поскольку Эстонский коммунистический комиссариат не терпел оба учреждения, то у нас неоднократно производили обыски и наших работников преследовали. Поэтому приходилось предпринимать меры для укрытия документов и людей. В этих вопросах семья Пушкиных всегда великодушно шла нам навстречу. Так, у них были спрятаны некоторые документы Центрального комитета воинов-эстов, которые впоследствии были переданы в эстонские архивы, а также и я лично скрывался у них более двух недель от преследований со стороны Эстонского комиссариата...»¹¹

С 1936 г. Пушкины проживали в Таллине. Ирина работала на сапожной фабрике, а Шурик отслужил в эстонской армии (сохранился его портрет в парадной форме эстонского кавалерийского полка). Екатерина не работала, занималась домашним хозяйством. Судьба Аллы сложилась счастливее. В 1930-х гг. она жила в Нарве и удачно вышла замуж. Ее муж Арнольд Йыги был состоятельным человеком: ему принадлежали магазин на центральной площади Нарвы и дом (ул. Хельсинки, 8) — по сохранившимся фотографиям можно судить о его богатом убранстве. Алла подчеркивает в письмах, что мебель и картины, купленные у нарвских антикваров, вывезены из Гатчинского дворца.

К середине 1930-х гг. «болдинские» Пушкины проделали путь, характерный для большей части русской эмиграции, — от надежды на возвращение в Россию до вставания в общество той страны, куда им довелось эмигрировать. Но очень скоро судьба сделала очередной крутой поворот.

В июне 1940 г. в Эстонию были введены советские войска; произошёл государственный переворот, в результате которого к власти

¹¹ Эстонский государственный архив (ERA), ф. 14, оп. 15, д. 1305, л. 5.

Ирина Пушкина
(1920-е гг.)

Шурик Пушкин
в эстонской военной форме (1937)

пришло просоветское правительство. В августе 1940 г. Эстония была принята в состав СССР. После нападения Германии на СССР Александр Александрович Пушкин, уже снова советский гражданин, был мобилизован в 7-й Таллинский истребительный батальон 1 июля 1941 г. В Эстонском государственном архиве хранится документ о его увольнении с завода «Красный Круль» «в связи с призывом».¹² Истребительные батальоны предназначались для борьбы с десантами противника в советском тылу и формировались из числа советских активистов, но в условиях стремительного продвижения немцев к Таллину летом 1941 г. истребительные батальоны часто оказывались на передовой. Они понесли большие потери в боях с «лесными братьями» и в ходе советской обороны Таллинской военно-морской базы. Пленных «истребителей» как идейных сторонников большевизма немцы обычно расстреливали на месте. В эту мясорубку попал и бесследно сгинул «последний потомок рода Пушкиных». На основании справки «по форме 2-БП» (список

¹² Эстонский государственный архив (ERA), ф. 1728, оп. 1, д. 18, л. 4.

Арнольд Йыги и Алла Пушкина в гостиной дома в Нарве
(1930-е гг.)

безвозвратных потерь), составленной Тартуским уездным военкоматом в сентябре 1949 г., он пропал без вести в августе 1941 г.¹³ Его реальная судьба осталась неизвестной даже близким родственникам — мать писала в 1948 г., что он погиб «от рук большевиков».¹⁴

¹³ ЦАМО, ф. 58, оп. 977522, д. 470, л. 2.

¹⁴ Письмо Е. И. Пушкиной в Американский пушкинский комитет. Оригинал хранится в Библиотеке Конгресса, г. Вашингтон, США (цит. по: Фридкин В. М. Пропавший дневник Пушкина. М., 1991. С. 247).

Ничего не знали о нем и его жена (скончалась в 1979 г.) и ее дочь от второго брака (проживает в Эстонии в городе Тарту).

Судьба последних потомков Льва Пушкина по женской линии сложилась следующим образом. В 1944 г. Екатерина Пушкина и ее дочери бежали в Германию. Они сполна испытали на себе все «прелести» первой волны эмиграции и тем не менее решились эмигрировать снова. Повторялась история 1919 года: война, лишения, бегство в неизвестность...

Летом 1948 г. Екатерина Пушкина с дочерью Ириной жила в лагере для перемещенных лиц в Ашафенбурге (Бавария). Из лагеря она обратилась в Американский пушкинский комитет с просьбой оказать ей помощь в переезде в США. Вскоре Ирина Пушкина нашла работу по специальности на обувной фабрике в Канаде, недалеко от Торонто.¹⁵ Пришлось привыкать к новой стране, новому языку, новой культуре — и при этом работать не покладая рук. Ирина сумела скопить необходимую сумму, чтобы оплатить переезд матери. Они поселились вдвоем в городе Пиктон в канадской провинции Онтарио и прожили там более 40 лет. Екатерина Пушкина скончалась в 1991 г. в возрасте 104 лет. Ирина, всю жизнь так и проработавшая на обувной фабрике, не создала своей семьи, поскольку не могла оставить мать. Скончалась она в 2006 г.

Алла Пушкина вместе с мужем оказалась в эмиграции в Венесуэле. Арнольд Йыги — по профессии фармацевт — умел устраиваться в жизни. В течение 26 лет, до выхода на пенсию, он проработал начальником фармацевтической лаборатории. Свою виллу он назвал по имени жены — «Алла». Правнучка Льва Пушкина Алла Пушкина-Йыги скончалась в венесуэльском городе Валенсия в 2008 г. Она была последней в роду «болдинских» Пушкиных — потомков Льва Сергеевича Пушкина, брата поэта.

Сергей Гаврилов

¹⁵ По лагерям беженцев в Германии проезжали в 1947–1950 гг. вербовщики из стран с высокой потребностью в дешевой рабочей силе (Канада, Австралия). Канада и Австралия до сих пор — крупнейшие центры прибалтийской послевоенной эмиграции. Поскольку Ирина Пушкина работала еще в Эстонии в 1930-х гг. на фирме Бата, ей удалось получить приглашение на фабрику Бата в Канаду. При этом ей пришлось убавить свой возраст на несколько лет. Документы из личного архива Ирины Пушкиной в Канаде, в том числе на трудоустройство, сейчас переданы в музей-заповедник А. С. Пушкина в Болдино.